

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(отклик на статью Г.В. Ожигановой “Психологические
аспекты духовности. Часть I. Духовный интеллект”
и на комментарии к ней А.А. Фёдорова)

Дискуссии в науке – дело естественное и полезное. Наиболее острые дискуссии, как правило, начинаются тогда, когда исследование выходит за пределы “нормальной науки” и появляются новые понятия, идеи, факты, которые явно не вписываются в привычные, сложившиеся рамки. Конструкт “духовный интеллект” – это действительно новое психологическое понятие, связанное с неожиданными идеями и необычными фактами.

В отличие от А.А. Фёдорова, я считаю, что введение рассматриваемого конструкта в терминологический аппарат современной психологии является необходимым и обоснованным. Поясню свою точку зрения. Прежде всего, замечу, что отсутствие “эмпирических подтверждений” не является запретом на введение нового понятия и тем более разработку новой теории. В большинстве случаев (это касается любой науки) новое понятие “вбрасывается” с опережением, а новая теория может вообще противоречить имеющимся фактам. Тем самым инициируется множество исследований в области, которая ранее не была в центре интересов профессионального сообщества. Постепенно начинают накапливаться факты, подтверждающие новое понятие (теорию) либо отвергающие это понятие (теорию). Рассудить, какое понятие в науке “правильное”, а какое “неправильное”, могут только время и напряженная работа множества исследователей, занимающихся изучением соответствующего феномена.

Одна из действительно острейших проблем – это инструменты исследования духовного интеллекта. Однако исходная посылка оппонента не вполне корректна: из того, что интеллект традиционно изучали с помощью тестов (а это верно только по отношению к психометрической теории интеллекта), вовсе не следует, что и духовный интеллект нужно исследовать исключительно с помощью тестов (метода решения задач). Сейчас для изучения интеллекта – уже за пределами психометрического подхода – активно используются методы самоотчета и анализа продуктов деятельности, биографические и нарративные методы.

Лично я сомневаюсь, что даже в отдаленной перспективе духовный интеллект можно будет измерять каким-либо психометрическим тестом. Тем не менее, разработка адекватного и валидного инструментария (в том числе и методик самоотчета!) – интереснейший аспект будущих исследований духовного интеллекта.

Нельзя также требовать, чтобы понятие “духовный интеллект” было обязательно соотнесено с какими-либо структурами мозга. Даже по отношению к простейшим когнитивным функциям это не всегда возможно. Что касается любой высшей психической функции – и, безусловно, той феноменологии, которая была обозначена Г.В. Ожигановой как “духовный интеллект”, – все они обеспечиваются системной работой мозга, а не его “отдельными структурами”.

В то же время в статье А.А. Фёдорова «Духовный интеллект и мирская психология (комментарии к статье Г.В. Ожигановой “Психологические аспекты духовности. Часть I. Духовный интеллект”» отмечены важные аспекты проблематики “духовного интеллекта”. В частности, это критерии выделения разных видов интеллекта, соотношение категорий “интеллект”, “способность” и “умение”, представление о существовании разных типов духовности.

Таким образом, выделенные оппонентом аспекты сами по себе являются аргументом в пользу актуальности введения понятия “духовный интеллект”: в этой статье, несмотря на ее критический пафос, очерчены линии будущих теоретических и эмпирических исследований духовного интеллекта.

Я полагаю, что именно эту задачу ставила Г.В. Ожиганова, описывая ту новую феноменологию, которая была обозначена современными западными исследователями понятием “духовный интеллект”.

М.А. Холодная,
доктор психологических наук,
Учреждение Российской академии наук
Институт психологии РАН, Москва